

Очерк VI. Странная любовь лорда Байрона

Начинало светать. В предутренние часы сон обычно одолевает даже стойких полуночников. В зале таверны слышался храп уснувших посетителей, которые самостоятельно не могли дойти до своего жилья.

Байрон терпеливо ждал. В дверях показалась девушка на вид 14-15 лет, одетая в длинное шелковое платье, с широким декольте, на шее блестела золотая цепочка с кулоном; волосы были распущены, но прикрыты белым кашемировым платком; на ногах модные туфельки.

Она не спеша, с чувством собственного достоинства шла к столу, за которым сидел английский лорд, понимая, что сейчас состоится встреча с очередным богатым почитателем красивого тела, сладострастного танца и утонченного пения.

Девушка привыкла к подобным свиданиям и, направляясь к незнакомому мужчине, не казалось смущенной. Но вместо откровенного разглядывания и бесцеремонного ухаживания этот посетитель при ее приближении неожиданно встал со своего места и галантно поклонился.

Только теперь сэр Джордж убедился, что так искусно танцевавший “турчонок” и красавица-гречанка – одно и то же лицо. Очень скоро обаяние Байрона, его утонченные манеры и блестящий ум покорили девушку.

Во всяком случае, дневник Калипсо на этот счет не оставляет никаких сомнений. К сожалению, в приведенной ниже записи, которая сама по себе достаточно красноречива, отсутствует дата.

“...Эту встречу я никогда не забуду... Его лицо, руки, голос... меня покорили. Мы говорили по-французски; в этом языке так много прекрасных слов, выражающих чувства; жаль только, что я могу обходиться всего одной-

двумя фразами... Я рассказала поэту свою историю. Он слушал меня внимательно, и лицо его выражало искреннее сострадание. Я плакала... Чтобы утешить меня, сэр Джордж попросил спеть веселую греческую песенку. Я пела, а он в такт постукивал ладонью по столу...

Потом сэр Джордж принялся гладить мои волосы, плечи, целовать в лоб и шептать ласковые слова, словно добрый отец..."

В то раннее утро Байрон узнал о тяжком жизненном испытании, выпавшем на долю этой хрупкой девочки; впрочем, достаточно типичного для ее народа, находившегося под деспотической властью Османской империи. Встреча с юной Калипсо усилила стремление английского барда принять личное участие в борьбе за свободу народа Эллады.

Теперь и мы узнаем историю жизни девушки из таверны. Нельзя сказать, что родители Калипсо были бедными греками. Семья владела участками земли: виноградниками, садами, пастбищами; скотом, главным образом, козами; жила в большом доме неподалеку от Салоник и чувствовала себя достаточно комфортно.

Правда, омрачали жизнь частые поборы турецких чиновников, бесправие, унижение, но другим грекам жилось намного хуже, и это каким-то образом успокаивало.

Наверное, всю жизнь они коротали бы дни в страхе за свое имущество, в бесконечных пересудах и тяжбах с соседями, если бы не случай. Калипсо в то время шел одиннадцатый год; кроме нее, в семье насчитывалось пять братьев и три младшие сестренки.

Так вот, надо было так случиться: в лесистой местности, что неподалеку от владений Михаила Полихрони – отца Калипсо, вздумал поохотиться великий визирь (должность примерно руководителя правительства

в европейской стране).

Охотником, надо признать, сей муж был неважным; стрелял из рук вон плохо, к тому же был близорук и почти не слышал на левое ухо.

Дичь легко уходила от незадачливого визиря, радуясь удаче, зато испуганные слуги с тревогой ожидали наказания за несостоявшуюся охоту. И тут один из них вспомнил, что рядом с охотничьими угодьями расположены земли Полихрони. В считанные минуты служивый грек уже молил своего соплеменника о помощи. А еще через некоторое время Михаил Полихрони лично погнал небольшое стадо домашних коз к стойбищу горе-охотника.

Завидев “дичь”, великий везир схватил ружье и принялся палить по бедным животным, не подозревавшим такого вероломства. Стоя неподалеку, Михаил Полихрони плакал от досады, жалости и злой доли, но понимал: бедным слугам надо помочь даже такой ценой.

То ли везир догадался о проделанной шутке, то ли ему услужливо донесли, только на следующий день в дом отца Калипсо постучал нарочный с приказом явиться немедленно к великому везиру.

Женщины принялись причитать, рвать на себе волосы, бросились в ноги Михаилу – отцу, мужу, брату, громко плача, ибо все решили, что их кормильца обязательно казнят. Таковы были нравы в Османской империи: немусульманин (ахль аль-китаб) за малейшую провинность мог распрощаться с головой, а его семья лишалась всего имущества.

Но случилось то, что случилось: везир был в прекрасном настроении, с большим аппетитом поглощал молодую козлятину, запивая выдержанным вином. К слову будет сказано, правоверным употреблять спиртное не велел пророк, но главный чиновник страны не зря

окружал себя греками-христианами. Вино он уважал, но не только...

Едва взглянув на дрожащего Полихрони, успевшего за несколько минут пять раз упасть ниц и раз семь удариться лбом о землю, выказывая турку свое нижайшее почтение, визирь приказал явиться к нему во дворец за наградой. Потом он милостливо махнул рукой, что значило: беги, что есть мочи, домой и родных осчастливь своим появлением.

Вот так семья Полихрони оказалась в Стамбуле, а ее глава получил солидную должность. Правда, никто не спросил этого грека: умеет ли он читать и писать, считать или хотя бы рисовать. Впрочем, это не так важно; главное – голова на плечах, чтобы в случае чего было что отрубить.

И Михаил Полихрони справлялся с должностью. Вникать в суть дела – не дело важного чиновника, этим занимались другие. Ему докладывали, а он решал: кивнуть головой в знак согласия или... Это было самое страшное в его деятельности, так как опасно было не угадать. Но Аллах миловал...

Калипсо – любимица отца – училась немного танцевать, чуть-чуть говорить по-французски, но охотнее всего – вышивать. Но эфемерному счастью вскоре пришел конец. Кто-то донес великому визирю, что у чиновника (логофета) Полихрони – красавица дочь, и не беда, что ей всего одиннадцать лет.

“Приведи ко мне свою дочь Калипсо!” – приказал престарелый развратник потрясенному Полихрони. “Пощадите! – закричал Михаил, рухнув на пол дворца великого везира. – Калипсо – свет очей моих, отрада сердца моего, солнце души моей...” “Ну хватит, – возмутился турок. – Я хочу твою дочь, а ты пошел вон”.

Услужливые лакеи быстро подбежали к рыдающему отцу и вытолкнули его из роскошных покоев.

В ту же ночь девочка была представлена хозяину обширного гарема. Главный евнух, опять-таки грек, подвел плачущую Калипсо к великому визирю.

“Перестань, дурочка. Тебе так повезло. Ты сама еще этого не понимаешь”, – хмурился главный турок Империи и жестом велел евнуху оголить девочку. Ловким движением руки тот сорвал шелковую накидку, прикрывавшую еще детскую наготу.

“Подведи ее поближе”, – едва мог вымолвить визирь из-за нахлынувшей на него похоти. Правой рукой он ощупал ее маленькие груди, а левой гладил еще формировавшиеся бедра, ягодички...

На следующий день Михаил Полихрони вызвали во дворец великого визиря. Турок восседал в роскошном кресле, обложенный со всех сторон пуховыми подушками. На стене, позади кресла, висел огромный ковер, на котором сияли золотом и драгоценными камнями кинжалы, сабли, ножи...

Пол был покрыт шкурами леопарда и тигра, а около кресла визиря стояла фарфоровая ваза, из которой тонкой струйкой шел ароматный дым, от которого становилось легко и радостно.

Михаил упал на колени и низко склонил туловище, голова едва не стукнулась о мягкий пол. “Я знаю, – начал визирь, – ты очень любишь свою дочь. Я был с ней, но удовольствия не имел, так что отпущу ее в твой дом при одном условии...” Турок преднамеренно сделал паузу, наслаждаясь мучениями несчастного отца.

“Ты примешь истинную веру, или твоя дочь будет томиться в моем гареме. А теперь ступай...” Он сделал жест рукой. И тут же Полихрони был вытолкан из зала дворца на улицу, где собравшаяся толпа зевак весело смеялась, показывая на него пальцем.

Но Михаил отверг предложение визиря. Такого

бесчестия, как измена, он вынести не мог. Когда великий визирь узнал о решении Полихрони, то приказал высечь розгами Калипсо на глазах ее отца.

В специальном зале собрались гости именитого хозяина. Все предвкушали приятное и пикантное зрелище: красивая обнаженная девочка будет ходить в сопровождении евнуха по кругу и каждый из присутствующих сможет не только ударить невинное существо, но и потрогать ее тело. Отца Калипсо поставили на колени в таком месте, чтобы он мог все видеть и слышать.

Ждали великого визиря. Когда, наконец, он появился, подобострастные гости бросились целовать ему туфлю, край одежды. А некоторым – в знак особого благоволения – давал облобызывать оголенную ногу...

Наверное, Калипсо так и не дождалась бы свободы, если бы не случай. Султану надоел престарелый визирь, а может быть, сей чиновник не пришелся ко двору главы правоверных. Имущество визиря конфисковали, а его самого заключили в “Семибашенный замок”; гарем, разумеется, достался другому владельцу.

Михаил решил попытать счастья. Он отправился к новому великому визирю с мольбой отпустить дочь. Этот турок был значительно моложе прежнего визиря. Он украдкой курил заморские сигары и даже читал по-французски.

“Отпустить дочь? – удивился владелец. – А что взамен?” “Все готов отдать, все!” – почти что закричал Михаил. “И даже себя?” – с ехидной ухмылкой спросил турок. “Ради Калипсо...” “Не продолжай, – велел визирь. – Я испытал тебя. Похвально, что так любишь свою дочь. Отдай мне свои земли, дом, скот и забирай своего костлявого цыпленка...”

Уже на следующий день после освобождения родители

Калипсо вместе с дочерьми поспешно покинули столицу Османской империи; сыновья оставались в Стамбуле.

Оказавшись совершенно без средств к существованию, Михаил Полихрони не унывал. “Как-нибудь проживем; Господь наш милостив, непременно поможет”, – повторял глава разоренного семейства и все же украдкой смахивал рукой набежавшую слезу.

Начались бесконечные скитания по Греции, Албании, Македонии, в то время территории, входящие в состав Османской империи. За это время умерли, не выдержав тягот бродячей жизни, младшие сестренки Калипсо, заболел отец. Кормилицей своих родителей стала героиня этого рассказа.

Это произошло в Скопье, административном центре Македонии. Небольшой городок, где остановились Полихрони, был наполнен македонцами, албанцами, турками, цыганами, сербами и другими народностями, населявшими необъятную Империю.

Калипсо с родителями поселилась на окраине, в убогой хижине, принадлежавшей престарелой гречанке. Михаил Полихрони слег в постель, мать неотлучно сидела рядом с больным мужем, и дочь отправилась на оживленные улицы Скопье.

За время скитаний Калипсо повзрослела, еще больше похорошела и старалась не замечать, когда прохожие мужчины пялились на стройную девичью фигуру, восхищенно вздыхали, глядя на ее матовое личико с большими черными глазами...

“Только не это, – думала Калипсо, – буду зарабатывать на хлеб, как цыганка: петь, танцевать и, если нужно, гадать”. Внимание девушки привлек старик, стоявший на тротуаре. Он играл на свирели красивую мелодию. Калипсо остановилась, восхищенно слушая музыканта. Неожиданно для себя она принялась танцевать. Ноги сами

пустились в пляс. Мелодия то ускорялась, то становилась медленной, немного печальной. В ней слышались напевы сербов и македонцев, албанцев и греков, у которых было много общего в культуре и нелегкой судьбе.

Сперва, как вкопанные, остановились цыганята, с восторгом глядя на грациозную смуглянку. Музыкант заиграл быстрее, и Калипсо, взяв в руки платочек, принялась танцевать валашский танец. Вскоре это представление смотрели десятки скопечан. Посыпались монеты, все больше медяки, но Калипсо была счастлива. Она разделила деньги с музыкантом и после этого быстро направилась в булочную.

Ее премьера состоялась, и главное – девушка поверила, что сможет зарабатывать на жизнь для себя и своих родителей.

На следующий день старый македонец ждал Калипсо на том же месте. Он спросил ее по-македонски: “Ты будешь петь?” Она поняла его и улыбнулась. Юная артистка вдруг вспомнила греческую песенку, которую ей в детстве так часто пела няня. Старик быстро подобрал нужный мотив. Проходившие мимо греки остановились и слушали с большим вниманием, поскольку незамысловатое содержание песни тронуло каждого.

В ней говорилось о страстной любви юноши к прекрасной девушке. Но их родина все еще порабощена, поэтому любимый оставляет свою подругу и отправляется на войну с врагами. Узнав, что отважный юноша погиб, любимая им девушка в отчаянии бросается с высокого утеса в морскую пучину...

Вечером того же дня в убогую лачугу, где жила Калипсо с родителями, постучал незнакомец. Это был слуга богатого серба, только недавно принявшего ислам и потому получившего важный чиновничий пост.

Посыльный сообщил, что его господин предлагает

Калипсо выступить в его доме за немалое вознаграждение, а пока он жалует юной артистке серебряный динар.

Девушке обрадоваться бы удаче, но что-то говорило ей: “Не ходи”, однако взглянув на больного отца и безутешную мать, согласилась.

Надев свое самое лучшее платье, Калипсо вышла на улицу, где ее ждал слуга серба и двуколка. Вскоре они остановились у большого красивого дома в самом центре Скопье. Серб оказался сравнительно молодой человек с приятной внешностью и европейскими, как он считал, манерами. В разговоре этот серб то и дело употреблял французские слова, зачастую без всякой надобности.

Гостей собралось много. В основном это были состоятельные турки, македонцы и албанцы. Хозяин приказал накормить маленькую певичку и облачить ее в более пристойное платье. Наконец, насытившись, гости постепенно уgomонились, ожидая сюрприз. Красный от обильной пищи и довольный собой, серб объявил присутствующим: “Чуть-чуть внимания к моему подарку. Ваш драгоценный слух будет услаждать гречанка...” Он не успел закончить, как вновь начался галдеж. Никто никого не слушал, все что-то говорили.

Тогда потерявший терпение хозяин подал знак музыкантам, и Калипсо в красном шелковом платье, разумеется, с распущенными волосами, вышла к гостям.

В ту ночь она так неистово пела и танцевала, как будто в нее вселился шайтан. Только спустя годы Калипсо поняла, что серб приказал подсыпать в ее пищу наркотическое зелье.

Утром, когда гости покинули дом серба, Калипсо привели в комнату хозяина. Он возлежал на дорогом ковре, покрывавшем широкую софу. С краю от хозяйского ложа стоял увесистый мешочек с монетами.

“Ну вот, Калипсо, – ласково начал серб, – ты нас очень порадовала. Эти деньги, – и он указал на мешочек, – будут отправлены твоим родителям, а ты, миленькая, останешься у меня в доме и будешь каждую ночь нас забавлять...”

О чем еще говорил этот коварный человек, Калипсо не слышала. Она упала без чувств от переживания и усталости...

Все время, пока Калипсо рассказывала историю своей жизни, Байрон молчал. Только иногда вздыхал. Но дойдя до последнего эпизода, уже известного нашему читателю, поэт выпрямился, взял ручку девушки в свою широкую и сильную ладонь, заметив: “Запомни, Калипсо, далеко не все люди – лицемерны, лживы и подлы. Я знаю: тысячи сербов, македонцев, греков и других подвластных Османской Империи народов мужественно сражаются за свою и нашу свободу. Во все времена были негодяи и порядочные люди. Но, увы, подлецы более заметны. Поскольку творят зло и беззаконие; честных – много, но они отнюдь не выпячивают это качество своей души”.

Байрон замолчал, чтобы дать возможность Калипсо продолжать. Вот что случилось дальше.

...Ее быстро привели в чувство. Она находилась все в той же комнате, только серб сидел в кресле и курил, хотя ему, новообращенному, следовало знать, что последователи пророка Мухаммеда осуждают сие занятие.

“У меня еще нет гарема и всего одна жена, так что будь готова и не смей капризничать, а то никогда не увидишь своих родителей”. Он зло рассмеялся и вышел из комнаты. Калипсо стояла и горько плакала.

Прошло всего несколько дней. В ту ночь ее привели к сербу. Он мрачно сказал: “Я еще недавно верил в Христа, ладно, иди домой и попрощайся с умершим отцом, но

после похорон тебя обязательно приведут обратно”.

Тот же слуга усадил девочку в двуколку, и они не спеша тронулись по опустевшим улочкам ночного города.

Старая гречанка, приютившая родителей Калипсо, помогла похоронить отца и на кладбище незаметно шепнула Калипсо, что подыскала ей и ее матери временное прибежище. Это был древний склеп на том же самом кладбище, так что в хижину старой гречанки, где их ждал слуга серба, они не вернулись.

Потом мать рассказала Калипсо подробности предстоящего побега. Владелица лачуги имела младшего брата, жившего в Италии, и обещала помочь переправить их к нему.

Через несколько дней, когда Калипсо перестали искать, старая гречанка под покровом ночи привела их к проводнику-македонцу. Спустя несколько дней Калипсо с матерью сидели в небольшом рыбацком баркасе, направлявшемся в Равенну.

Нельзя сказать, чтобы брат добрейшей спасительницы встретил женщин с радостью. Он был полной противоположностью своей сестре: большой и сильный, в то же время алчный, жестокий и хитрый, а также имел ряд других качеств, не делающих человеку чести.

Взглянув на Калипсо, хозяин таверны зацокал языком и проворчал: “Сидеть на моем хлебе не будете...”

Закончив рассказывать о себе, Калипсо посмотрела в глаза Байрону. На ее лице был страх. Как теперь отнесется к ней знаменитый поэт? Помолчав немного, сэръ Джордж произнес: “Нет, ты – не грешница; ты – юное создание, предназначенное Всевышним для земной любви”.

На следующий день они встретились вновь. Байрон рассказал девушке о пророчестве старого хасида и об этой секте иудеев. Калипсо слушала с таким вниманием, будто

мечтала об этом много лет.

Оказалось, что девушка почти перестала верить в Бога. Она объяснила так: “Когда меня, еще ребенка, судьба бросила в объятия грязного развратника, где был Господь? Когда я вновь оказалась в опасности, я молила Всевышнего, но он не помог. Наконец, даже здесь, среди христиан, я все еще рабыня и выполняю за деньги, текущие в карман моему хозяину, любую прихоть. Почему Бог все видит и не спасет меня?...”

Байрон, слушая несчастную девушку, мрачнел. Наконец он сказал: “Ты не должна так рассуждать. Судьба уготовила тебе серьезные испытания, и ты их выдержала, может быть, для того, чтобы исполнить Его волю. И старый еврей, сидя в полутемной комнате, вещал Божью волю. Ведь народ Израиля избран Богом. Ты обязательно обретишь блаженство и подлинное счастье”.

Калипсо ничего не ответила. Она плакала от радости, что поверила поэту. Следует обратить внимание на запись в дневнике Калипсо, датированную 21 июля 1820 г.: “Я постигаю премудрости Священного Писания... Мой наставник терпеливо объясняет непонятные места из Библии. Потом мы говорили о Каббале, точнее, рассуждает Джордж, а я слушаю и с немалым трудом преодолеваю путаницу в своей голове...”

Честно говоря, трудно себе представить: Байрон, непоседливый, темпераментный и достаточно циничный, и вдруг – сидит и толкует о каких-то неясных даже для многих правоверных иудеев догмах. Более того, он тратит время, чтобы объяснить все это красивой девушке, вместо того, чтобы обнимать и ласкать привлекательное существо.

Тем не менее, факты свидетельствуют: английский бард любил Калипсо прежде всего как заботливый отец, для которого главное – спасти душу многострадальной гречанки, выполнив взятое на себя обязательство.

И вновь дневник Калипсо: “Осень 1822 года. В Кишиневе я часто вспоминала его. Я спасена благодаря его урокам доброты и целомудрия. Я просила меня поцеловать. Он, смеясь, отвечал: “Так и быть, согласен, если ты этого заслуживаешь”. И я старалась. Ко мне вернулась вера, и я даже стала грезить Иерусалимом...”

Не совсем ясно, какой религии обучал поэт свою наставницу. Скорее всего, это была смесь христианства, иудейской Каббалы и элементов хасидизма, с которыми Байрон познакомился во время своих встреч с рабби Рубинчиком.

Возникает вопрос: неужели пэр Англии и ниспровергатель – как считали его соотечественники – пуританской морали поверил рассказням полуживого старца-сектанта?

Возможен такой вариант: Байрон жаждал кого-то “наставлять на путь истинный”. Если бы на его жизненном пути не оказалась Калипсо, то поэт обязательно нашел бы другого падшего человека, подал бы ему руку, внушил любовь, окружил добротой и вниманием.

Байрон, как кажется, стремился искупить свои грехи. Он искал утешение в религии, хотя видел в англиканстве ханжескую мораль, а в прелатах – лгунов и корыстолюбцев. Сэр Джордж искал настоящего друга, но высшее общество его времени было не менее порочно, чем в период упадка Римской империи. Байрон страстно желал подлинной любви, а сталкивался с мелкими страстями уставших от жизни матрон...

Перефразировав гениального классика, Байрон ее за муки полюбил...

Конечно, это вполне допустимо. Поэт с такой душой, как Байрон, не мог поступить иначе. Вот почему многим казалось, что любовь Байрона к Калипсо – “странная”.